

дизель. Закупили в Эльмаштресте. Последний выслал своего представителя. По дороге удрал и представитель и части дизеля. Вот и мучаемся, и с прошлого

можно сказать, что ветеринарная помощь в Клишиновском уезде сдвинута с мертвой точки.

И. Каганов.

ТЕАТР.

Стакан воды.

Комедия о том, как три женщины перецарапались из-за миловидного прапорщика: королева, герцогиня и бедная девушка. Настоящая буря в стакане воды. Не ищите в ней сатиры на королей, ни прославления земной любви, приводящей к одному знаменателю корону или двадцеду и простой платочек, если они покрывают женскую голову. Все это слишком тяжелоесно для французской комедии, для пьесы Скриба, которая прежде всего хочет быть легкой и свободной от всякого груза смысла или чувства.

Правда, автор нет-нет да и направит вдруг указательным перстом выжиданию зрителя сквозь всю эту малую чепуху и скажет: вот отчего зависят судьбы Англии, когда на сцене решается трагический вопрос быть или не быть какомунибудь любовному свиданию. Но право же, указательный палец больше всего нужен там, где без него трудно что-нибудь отыскать.

Но простая пьеса ее легкомыслие и умение всю жизнь уместить в стакане воды. Она хорошо, сценически умно и искусно, внимательно подает этот свой стакан.

Но вот постановка пусть же будет товковым подносом для этого стакана. Ей неважно углубляться в характеры, которых у героев по нечаянности нет, изображать эпоху, играть страсти. Автору надо только подать ватрагу, развешенный запутанный клубок смешных позерских коллизионно смеющихся друг друга. Эта пьеса насвободь внешняя, вся она держится на сверкающем жесте, блестящем выводе или входе, скороговорке дебютства.

Игра была излишне осложнена приоточанной серьезностью, какой-то педантически тяжеловесной шуткой. Получилась взрядная смесь французского и вижгородского. Зритель видел все время, что безвольную королеву, которая не умеет сердиться и у которой нет характера, надо играть не Игоревой (ей бы только сердиться), а Эриной, которая не

может и не должна же играть энергичную, самую активную в пьесе роль герцогини. По смыслу комедии им бы надо поменяться своими местами. А по внешнему смыслу и наивному соображению за Игоревой установилась специальность на королев, но ведь есть королевы и королевы.

Вот эта же чрезмерная внимательность больше заботиться о внешней красивости сцены и костюма, о том, как шикарнее походить на герцогов, чем о самом главном в комедии—впечатление такое, что актеры спешат сыграть свой титуд, а уже потом кое как свою роль. Центральная сцена со стаканом воды, которая дает имя всей комедии, пропадает для зрителя вовсе. Право же важнее позаботиться в комедии о том, чтобы быть смешным, а потом уже о том, чтоб быть виконтом и герцогиней—все равно это трапичные гербы и короны.

Один из первых наших театральных критиков на днях прекрасно указал, что всеобщее сейчас стремление театра поразить глаз незиданным зрелищем, зантересовать его сложностью, порадовать красотивостью—совсем не задачи театра. Потрясти слезами или смехом—вот его упрощенная формула. Старые антрепренеры—рассказывает он—когда нанимали актрису, то экзаменовали ее концептивно: заплачь и засмейся.

Вот по такому чрезвычайно упрощенному и сокращенному сценическому концепту всякий зритель согласится экзаменовать актера. Мы не можем, да и не хотим требовать от нашей сцены чего-нибудь исключительного, чрезвычайного или большого.

Тот же критик говорит: я не хочу вина, чаю, шоколаду... Дайте мне стакан воды. Только воды, живой, чистой воды.

Пожалуй, в этом заклочева целая программа для нашего театра, а не только словесный каламбур или игра названием этой, в сущности невинной пьесы.

Д. С. Выготский.

ПРИВЕТ ОТ БРАТЬЕВ.

После приветственных речей т. Володько и Зайцова слово было предоставлено

И действительно: болота, как лежащие выше, беспрерывно стекают.

Кончается болотное царство—востор-